

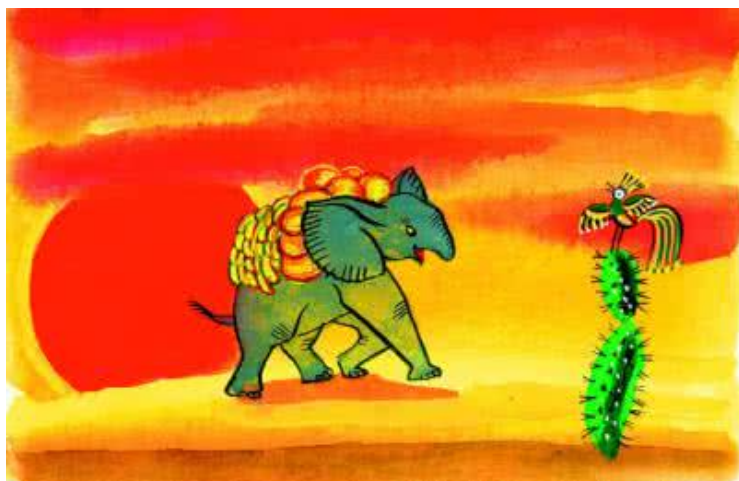
Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давно, давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давно, давно, жил один такой Слон. — или лучше сказать: Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами. Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не иначе, и долговязая тётка Страусиха давала ему за это тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой. Он приставал к своему длинноногому дядьке Жирафу и спрашивал его, почему у него на шкуре пятна, и длинноногий дядюшка Жираф давал ему за это тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом. Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глаза, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за это тумака своим толстым-претолстым копытом. Но и это не отбивало у него любопытства. Он спрашивал своего волосатого дядьку Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павиан давал ему за это тумака своей мохнатой, волосатой лапой. Но и это не отбивало у него любопытства. Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал за это тумака от всех своих дядей и тёток. Но и это не отбивало у него любопытства. И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой ещё никто никогда не спрашивал. Он спросил:— Что кушает за обедом Крокодил? Все закричали на него:— Тс-с-с-с! И тотчас же, без дальних слов, принялись награждать его тумаками. Били его долго, без передышки, но когда кончили бить, он сейчас же подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что может кушать у себя за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колололо, печально и громко всхлипывая:

— Ступай к широкой реке Лимпопо. Она грязная, мутно-зелёная, и над нею растут ядовитые деревья, которые нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь всё. На следующий день, когда от равноденствия уже ничего не осталось, Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зелёных хрустящих дынь, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им.

— Я иду к грязной, мутно-зелёной реке Лимпопо; там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и я узнаю-таки, что кушает за обедом Крокодил. И родственники ещё раз воспользовались случаем и хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно любезно просил их не беспокоиться. Это было ему не в диковину, и он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а норки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда, наконец, не пришёл к грязной, мутно-зелёной широкой реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, как говорила птичка Колололо. А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это, собственно, такое. Представь же себе его любопытство! Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвившийся вокруг утеса.

— Простите, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — с сердцем переспросил Змей.

- Нашёл о чём спрашивать!

— Простите, пожалуйста! — продолжал Слонёнок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слонёнок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядька, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история. И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, помог ему снова обмотаться вокруг скалы и пошёл себе

дальше; хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю, потому что, повторяю, чем бы он стал их поднимать? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега грязной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окруженной деревьями, нагоняющими лихорадку. Но на самом деле, мой милый мальчик, это было совсем не бревно — это был Крокодил. И мигнул Крокодил одним глазом — вот так.

— Простите, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво.

— Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила? Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что новые тумачи его вовсе не привлекали.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил.

- Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Простите, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво.

- Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей вот только что, совсем недавно колотил меня ужасно больно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил. В подтверждение своих слов он выкатил из правого глаза большую крокодилову слезу. Слонёнок ужасно обрадовался; у него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Боже мой! Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее, что вы кушаете за обедом?

— Подойди-ка поближе, малютка, я шепну тебе на ушко. Слонёнок тотчас преклонил своё ухо к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был несколько не больше башмака.

— С нынешнего дня,- сказал Крокодил сквозь зубы,- с нынешнего дня я буду кушать молодых слонят. Слонёнку это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусиде беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно). Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, о, мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «Отче наш», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную струю... Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи всегда изъясняются по-учёному. Слонёнок послушался, сел на задние ноги и стал тянуться назад. Он тянулся, и тянулся, и тянулся, и нос у него стал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил и замутил её всю ударами своего хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул. И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянулся, и тянулся, и тянулся, и нос у него всё вытягивался. И Крокодил бил хвостом, как веслом, и тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слонёнка нос, и больно было этому носу у-ж-ж-жа-сно! И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Осдавьде! Довольдо! Осдавьде! Услыхав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей бросился вниз

со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задней ноги Слонёнка и сказал своим торжественным голосом:

— О, неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо мнение моё таково, что этот живой броненосец с бронированной палубой (так величал он Крокодила) хочет испортить твою будущую карьеру...Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи всегда выражаются так. И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил.Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей тянут сильнее, то Крокодил, в конце концов, должен выпустить нос Слонёнка,- он отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.А Слонёнок как стоял, так и сел с размаху и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистому Змею спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом — обернуть его мокрыми листьями бананов и опустить в холодную мутно-зелёную воду реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему тебе это? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Простите, пожалуйста,- сказал Слонёнок,- нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!Слонёнок простоял над водой три дня и три ночи и всё поджидал, не уменьшится ли у него нос. Но нос не уменьшался и — мало того — из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашный хобот — точь- в-точь такой, какие бывают у нынешних Слонов.К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот, хлопнул хоботом муху — и та повалилась замертво.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли закусить?И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле и сорвал добрый пучок травы, отряхнул от него глину о передние ноги и тотчас же сунул себе в рот.— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Попробовал бы ты проделать это своим прежним носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок.

— И сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из грязной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову: ил расквасился мокрой лепёшкой, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.-

Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Простите, пожалуйста,- сказал Слонёнок,- но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я готов! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

- Это просто клад, а не нос.

— Благодарю вас, — сказал Слонёнок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой; я пойду к моим милым родственникам и проверю мой нос на моих домашних. И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом. Захочется ему плодов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не поджидает, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не валится на колени, как бывало до той поры. Мухи докучают ему — он срывает с дерева ветку и машет ею как веером. Припекает солнце — он сейчас же опустит свой хобот в реку, — и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот его звонче сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать Бегемотиху, хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, потому что был Чистоплотным Толстокожим. Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришел домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете? Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за твоё несносное любопытство.

— Эх, вы! — сказал Слонёнок.

— Много вы смыслите в тумачках! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу? И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами, — закричали они, — где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый и дал мне его Крокодил — на грязной, мутно-зелёной реке Лимпопо, —

сказал Слонёнок.

— Я завел с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядька Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слонёнок, — но полезный!

И он схватил волосатую ногу волосатого дядьки Павиана и, раскачав, закинул его в осиное гнездо. И так разошёлся этот гадкий Слонёнок, что отколотил всех своих милых родственников. Те выпучили на него глаза от изумления. Он выдернул у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья из хвоста; он ухватил длинноногого дядьку Жирафа за заднюю ногу и поволок его по терновым кустам; с гиканьем стал он пускать пузыри прямо в ухо своей толстой тётке Бегемотихе, когда та дремала в воде после обеда, но никому не позволял обижать птичку Колоколо. Дело дошло до того, что все его родственники — кто раньше, кто позже — отправились к грязной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на людей лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу. Вернувшись, родственники уже больше не дрались, и с той поры, мой мальчик, у всех слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

